

КАК МЕНЯЮТ ЖИЗНЬ РОССИЯН ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ СОБЫТИЯ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И УСТОЙЧИВОСТЬ АДАПТАЦИИ

Полина Михайловна Козырева¹
Александр Ильич Смирнов²

^{1,2} Институт социологии ФНИСЦ РАН,

¹ Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия,

¹ pkozyreva@isras.ru,

ORCID 0000-0002-3034-8521

² smir_al@bk.ru,

ORCID 0000-0001-7078-6203

Для цитирования: Козырева П. М., Смирнов А. И. Как меняют жизнь россиян чрезвычайные события: новые вызовы и устойчивость адаптации // Социологическая наука и социальная практика. 2025. Т. 13, № 2. С. 9–27. DOI 10.19181/snsp.2025.13.2.1. EDN NVQFNK.

Аннотация. На основе данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)» осуществлён анализ особенностей адаптации россиян к новой социальной реальности, формирующейся под влиянием событий чрезвычайного характера. Основное внимание уделено динамическому анализу уровня и отдельных структурных параметров социального самочувствия в период распространения коронавируса COVID-19 и проведения специальной военной операции (СВО), который помогает расширить представление об особенностях современных адаптационных процессов. В качестве важнейшей детерминанты, обуславливающей достижение конкретного уровня адаптированности, рассматривается наличие или отсутствие затруднений определённой сложности, возникающих в ходе адаптации. Исследование выявило высокий уровень адаптированности россиян к новой реальности. Этот эффект был достигнут за счёт быстрых темпов развития приспособительных процессов, что свидетельствует о достаточно высокой устойчивости адаптации российских граждан к чрезвычайным событиям. К концу 2023 года большинство респондентов сохранили свой жизненный уклад или вернулись к привычному образу жизни, тогда как непосредственно в адаптации к изменениям, обусловленным чрезвычайными событиями, только у одного из пяти опрошенных присутствовали серьёзные препятствия, которые преодолевались с огромным трудом. Несмотря на остроту проблем, зафиксирован хорошо заметный

© Козырева П. М., 2025

© Смирнов А. И., 2025

рост удовлетворённости респондентов своей жизнью и оптимистических ожиданий относительно своего личного и семейного будущего. Но при этом значительная часть россиян была подвержена тревожным настроениям, вызванным угрозами военного и террористического характера. Это чувство тревоги было связано, но очень слабо, с удовлетворённостью россиян своей жизнью в целом и её материальной стороной. Выявлен рост обобщённого (генерализованного) доверия, являющийся важнейшим показателем усиления консолидации российского общества, укрепления гражданской и национальной идентичности в качестве ответа на новые вызовы чрезвычайного характера.

Ключевые слова: обобщённое доверие, кризис, неопределённость, пандемия коронавируса, социальная адаптация, социальное самочувствие, специальная военная операция

Благодарности: в статье использованы результаты проектов, выполненных в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Введение

Последние годы стали для россиян периодом тяжёлых испытаний, с которыми большинство граждан не сталкивались никогда ранее. Эти испытания были вызваны такими разными по генезису и своей сути, но схожими по остроте и глубине чрезвычайными событиями, выходящими за рамки обычного человеческого опыта, как пандемия коронавируса COVID-19 и проведение СВО. Подобные беспрецедентные события, формирующие новую травмирующую реальность, в силу своей необычности, непредсказуемости и остроты, оказываются особенно серьёзными и опасными. Уникальные по своему характеру и масштабам, новые вызовы запускают «разнонаправленные социальные изменения», затрагивающие практически все группы и слои населения» [1, с. 154].

Известный социолог Ю. В. Латов рассматривает современную ситуацию в России как очередную «эпоху перемен», которая запустила новый цикл реагирования общества на чрезвычайные обстоятельства, связанные с обострением беспрецедентных вызовов и угроз. Речь идёт прежде всего об изменении социального самочувствия как эмоционально-рационального восприятия гражданами происходящих в обществе процессов [2]. В связи с этим особый интерес вызывает поиск ответов на вопросы о том, каковы последствия таких перемен для населения и насколько быстро люди приспосабливаются к ним, учитывая, что важнейшими событиями современной истории, оказавшими колоссальное влияние на жизнь россиян, стали пандемия коронавируса COVID-19 и СВО.

Военная операция существенно изменила жизнь и настроения большей части населения страны. Это в первую очередь относится к семьям и родственникам военнослужащих, участвующих в боевых действиях, но в то же время очень многие россияне столкнулись с новой реальностью на производственном, бытовом уровнях или, по крайней мере, на уровне осмысления и осознания происходящих событий. При этом немаловажное значение имело то, что приспособливаться к новой ситуации пришлось людям, которые ещё толком

не отошли от изнуряющей борьбы с чрезвычайными угрозами и опасностями, которые свалились на них в период эпидемии коронавирусной инфекции. Неожиданная атака коронавируса хотя и была уже отражена, его последствия не прошли бесследно для общества.

В условиях распространения эпидемии коронавируса, особенно на первых этапах развития событий, людям приходилось выдерживать колоссальные психологические нагрузки [3; 4; 5; 6], крайне острый характер приобрела проблема одиночества, участились случаи тревожных расстройств, обострения различных страхов и фобий, появления новых фрустраций [7]. Довольно чётко обозначились группы людей, заражённые социальной апатией, сопровождающейся снижением интереса к происходящим событиям, безразличием и равнодушием к общественной жизни, потерей смысла жизни и угнетённым психоэмоциональным фоном. Состояние, которое люди переживали в этот период, в полной мере можно отнести к «травматическому кризису», вызванному «экстремальной ситуацией, имеющей серьёзные негативные последствия для здоровой жизнедеятельности» [8, с. 57]. Повышенная тревожность была характерна для общества и непосредственно после начала СВО. В этот период удовлетворительное состояние национальных материальных ресурсов сочеталось с очень тревожным состоянием ресурсов нематериальных (прежде всего – национального психологического капитала), которое не позволяло говорить о социально-экономическом благополучии россиян [9].

Вместе с тем исследования показали, что если пандемия коронавируса, из-за введения жёстких изоляционных мер, обусловила существенные ограничения экономической и социальной активности людей [10; 11; 12, с. 103], то после начала СВО россияне стали гораздо чаще прибегать к проактивным практикам, связанным с поиском дополнительных ресурсов [13]. Травмирующий опыт рассматриваемых событий, провоцируя рост тревожности, негативных психологических эффектов, оказывая влияние на самочувствие граждан, в то же время запустил механизмы мобилизации ресурсов, обеспечивающие адаптацию к новой реальности. Как показали исследования, несмотря на давление пугающей неопределённости и нестабильности, большинство россиян стали с той или иной степенью активности приспосабливать повседневные практики к изменившимся условиям жизни [14; 15].

Методика исследования

Целью данного исследования стало выявление особенностей адаптации россиян к новой социальной реальности, порождённой последовавшими друг за другом такими чрезвычайными травмирующими событиями, как пандемия коронавируса COVID-19 и проведение СВО. Основное внимание сосредоточено на изучении последствий этих чрезвычайных событий для населения и динамическом анализе основных характеристик социального самочувствия, раскрывающих направленность и глубину изменения социальных настроений россиян.

Социальная адаптация трактуется как процесс и результат приспособительного взаимодействия, в ходе которого происходит освоение личностью или группой социальной среды, когда не только субъект изменяется под воздействием среды, но и среда может меняться под воздействием субъекта. В качестве важнейшего критерия, позволяющего судить о достигнутом уровне адаптации к меняющимся условиям жизнедеятельности, наряду с поведенческими критериями, характеризующими степень освоения новых поведенческих стандартов, рассматривается социальное самочувствие. Исходя из социологической традиции, социальное самочувствие предстаёт как интегральный показатель, который характеризует общее внутреннее состояние субъекта, формирующееся в повседневной жизни и включающее его отношение к окружающей действительности, оценку степени удовлетворённости жизнью в целом и отдельными её сторонами, условий жизнедеятельности и жизненных перспектив, своего положения в обществе, эмоционального комфорта [16, с. 40; 17, с. 23].

Поскольку само понятие адаптация осмысливается во временном контексте, обращается внимание на темпы адаптационных процессов, которые позволяют судить об устойчивости адаптации россиян к чрезвычайным событиям. Опираясь на общие принципы теории систем, можно констатировать, что устойчивость адаптации, как и любой системы социальных взаимодействий [18, с. 77], предполагает её способность возвращаться в прежнее состояние после того, как она подверглась каким-либо воздействиям или возмущениям (внутренним и/или внешним), которые поколебали систему.

Для достижения цели исследования осуществлён сравнительный анализ данных «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE)», представляющего собой серию ежегодных общенациональных репрезентативных опросов¹. Анализ основывается на данных 23–32-й волн мониторинга (2014–2023 гг.). Опросы проводились осенью каждого года, т. е. были равноудалены от начала чрезвычайных травмирующих событий – пандемии коронавируса (март 2020 г.) и СВО (февраль 2022 г.). Объектом исследования являлись взрослые россияне в возрасте 14 лет и старше. Респонденты последовательно оценивали изменения в своей жизни, которые произошли после начала эпидемии коронавируса (в 2020 и 2021 гг.) и СВО (в 2022 и 2023 гг.).

---

¹ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) проводится Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ООО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (сайты обследования RLMS-HSE: <http://www.crc.unc.edu/projects/rlms> и <http://www.hse.ru/rlms>).

Результаты исследования

Одной из важных особенностей адаптации человека к событиям, носящим чрезвычайный характер, является то, что такие события сопровождаются возникновением и обострением кризисных явлений в различных сферах жизни, создающих дополнительные адаптационные трудности. В процессе адаптации к подобным ситуациям людям приходится, реализуя актуализированные потребности, решать множество конкретных проблем разной сложности. В динамично изменяющихся условиях ожидаемо усиливаются тенденции, характеризующиеся повышением интенсивности адаптационных процессов.

Трудности адаптации к чрезвычайным событиям. Очевидно, что люди по-разному воспринимают те или иные чрезвычайные события и неодинаково реагируют на них. Недостаточность имеющихся у человека ресурсов для преодоления возникающих барьеров является причиной определённых адаптационных затруднений. Это хорошо видно из данных, представленных в таблице 1, которые демонстрируют распределение респондентов в зависимости от достигнутого к концу года уровня адаптированности к ситуациям, вызванным распространением коронавируса и проведением СВО.

Таблица 1

Оценка респондентами изменений в своей жизни после начала эпидемии коронавируса и специальной военной операции, 2020–2023 гг., %

Оценка изменений в жизни	2020 (COVID-19)	2021 (COVID-19)	2022 (СВО)	2023 (СВО)
Никак не могут справиться с новой ситуацией и возникшими трудностями	3,5	2,7	3,8	2,0
Очень трудно привыкали к изменениям	18,2	12,8	13,5	8,3
Многое пришлось изменить в жизни, но в целом уже приспособились	24,1	34,3	7,6	8,2
Живут как и раньше, ничего особенно не изменилось	51,7	48,0	71,9	78,6
Получилось использовать новую ситуацию, чтобы улучшить свою жизнь, добиться большего	1,1	0,9	0,3	0,4
Затруднились ответить	1,4	1,3	2,9	2,5

Наиболее представительными оказались группы респондентов, находящихся на «достаточном» уровне адаптированности, для которых ничего особенно не изменилось, а некоторым удалось даже использовать новую ситуацию, чтобы улучшить свою жизнь. Уже через полгода после начала пандемии коронавируса они составляли около половины всех респондентов, а через полгода после начала СВО – почти три четверти. Отсутствие острой необходимости приспособливаться к происходящим переменам обеспечивает им по крайней мере сохранение достигнутого ранее уровня и качества жизни. Но при этом у части представителей данной группы наблюдаются некоторая неадекватность

самоконтроля и самооценки, стремление ничего не менять, сохранять устойчиво неизменным уровень своих притязаний.

Гораздо менее весомыми были группы респондентов, достигших «умеренного» уровня адаптированности, – через полгода в целом они уже приспособились к конкретной ситуации, но для этого им пришлось многое изменить в своей жизни. Как бы ни были опасны чрезвычайные события, за анализируемые годы эпидемии коронавируса доля таких респондентов увеличилась с 24,1 до 34,3%, в то время как за годы СВО – с 7,6 до 8,2%. Непосредственное столкновение с событиями чрезвычайного характера было связано у них с преодолением достаточно серьёзных препятствий, актуализацией личностно-профессиональных, семейных, социальных и других особенностей жизни и труда человека.

И наконец, наименее значимыми по численности оказались группы респондентов, пребывающих на «минимальном» адаптивном уровне, которые с большим трудом привыкают к изменениям или никак не могут справиться с новой ситуацией. Доля таких респондентов за годы пандемии коронавируса сократилась с 21,7 до 15,5%, тогда как за следующие два года СВО – с 17,3 до 10,3%. Эти люди составляют наиболее чувствительную категорию граждан, переживающих серьёзные адаптационные затруднения. Среди них доля лиц, в большей или меньшей степени удовлетворённых своей жизнью, на треть меньше, чем среди находящихся на достаточном уровне адаптированности (2020 г.: 39,8% против 55,8%; 2023 г.: 43,9% против 57,3%). Но в то же время их оценки собственных адаптационных возможностей мало отличаются от оценок других людей. В конце 2023 года 55% минимально адаптированных респондентов ответили, что сами могут что-то изменить в своей жизни к лучшему, добиться большего, тогда как только 30,7% выразили противоположное мнение, ощущая себя заложниками сложившихся обстоятельств.

Обращает на себя внимание тот факт, что мужчины и женщины, по-разному переживающие события, связанные с СВО, практически одинаково оценивают изменения в своей жизни после её начала. При этом влияние возраста заметно только у молодых женщин в возрасте до 30 лет. Среди них почти вдвое меньше, чем среди женщин более старшего возраста, респондентов, находящихся на минимально адаптивном уровне (в 2023 году 6,8% против 12,7%), но несколько больше тех, кто находится на достаточном уровне адаптированности (87% против 78,2% соответственно).

Данные, приведённые в таблице 2, показывают, что такие чрезвычайные события, как СВО, непосредственно затрагивают не всех граждан и в большей степени влияют на их психологическое состояние, чем на индивидуальные поведенческие аспекты. При этом респонденты, находящиеся на минимальном и умеренном уровнях адаптированности, гораздо чаще встречались с различными жизненными трудностями после начала СВО, чем находящиеся на достаточном уровне.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Можете ли Вы сказать, что после февраля 2022 года..?», 2022–2023 гг., %

Варианты ответов	2022				2023			
	В целом	В т. ч. по уровню адаптированности			В целом	В т. ч. по уровню адаптированности		
		Достаточный	Умеренный	Минимальный		Достаточный	Умеренный	Минимальный
Пришлось экономить на продуктах питания	26,4	20,8	45,9	42,4	25,2	21,0	41,6	45,3
Не смогли купить нужные лекарства	7,7	5,0	12,5	17,2	8,5	6,2	11,7	23,9
Пришлось оказаться от запланированной покупки недвижимости или машины	7,4	4,6	17,0	15,3	8,7	6,2	19,8	19,9
Пришлось оказаться от запланированной покупки бытовой техники, электроники	10,8	7,3	21,6	20,7	11,6	8,8	20,2	26,6
Начали пить или стали больше пить алкоголя	1,3	0,5	2,3	4,2	1,3	0,7	2,0	5,4
Стали реже ходить в кино, театр и т. п.	12,3	9,0	22,3	23,0	13,7	11,1	21,8	28,1
Появилось чувство тревоги	49,4	40,9	67,7	78,4	39,6	34,2	55,8	69,8
Не смогли выплатить взнос за кредит	1,1	0,7	1,7	2,0	1,2	0,7	2,0	4,1
Не смогли поехать отдохнуть	13,8	9,6	26,3	27,2	13,3	9,8	25,8	30,2
Сбережения или активы оказались «замороженными»	1,0	0,3	1,0	3,9	0,7	0,6	1,3	1,4

Как показывает опыт, россиянам не характерны затяжные депрессивные перепады социальных настроений [19, с. 12], но в то же время наблюдаются всплески тревожности, спровоцированные разными, в том числе экстремальными событиями. Согласно данным RLMS-HSE, весной 2020 г. – в наиболее сложный период пандемии коронавируса, сопровождавшейся приостановкой функционирования значительной части экономики и введением на территории регионов режима самоизоляции, у 29,1% респондентов возникло чувство тревоги и ещё у 9,8% появилась депрессия, 29,2% опрошенных остро ощущали

недостаток общения, 14% – ухудшение самочувствия в связи с невозможностью прогулок и занятий спортом.

Не менее серьёзным испытанием для россиян стали события, связанные с СВО, которые явились сильнейшим фактором дестабилизации не только социально-экономического, но и психологического состояния общества. Как следует из таблицы 2, после начала СВО у половины россиян появилось чувство тревоги, которое у очень многих сохранилось и в следующем году. Причём это чувство в большей степени было характерно для женщин (в 2023 г. 44,1% против 33,2% у мужчин). Более высокий уровень тревожности у женщин встречается во всех возрастных когортах, но чаще всего в возрасте старше 45 лет, когда это отличие от мужчин достигает 16 процентных пунктов. Подобные различия во многом объясняются тем, что «военный фактор» создаёт в жизненном пространстве женщины «двойное эмоциональное напряжение», когда «к переживанию за собственную жизнь присоединяется переживание за жизнь близкого мужчины и детей» [20, с. 90]. Обращает на себя внимание и то, что если у молодых женщин в возрасте до 30 лет чувство тревоги в связи с проведением СВО встречается заметно реже, чем в более старшем возрасте (в 2023 г. 32,9% против 48,1%), то у мужчин это отличие практически отсутствует.

Динамика удовлетворённости жизнью. Возросшая тревожность, отражающая предпосылки определённой напряжённости в обществе, не привела к снижению уровня удовлетворённости жизнью. Наоборот, в конце 2023 г. на фоне достаточно высокого градуса тревожности был отмечен рост уровня удовлетворённости россиян своей жизнью – одного из базовых показателей социального самочувствия. Доля респондентов, полностью или скорее довольных своей жизнью в целом, после сравнительно длительного периода определённой стабилизации выросла с 51,9% в 2022 году до 54,5% в 2023 году (рис. 1).

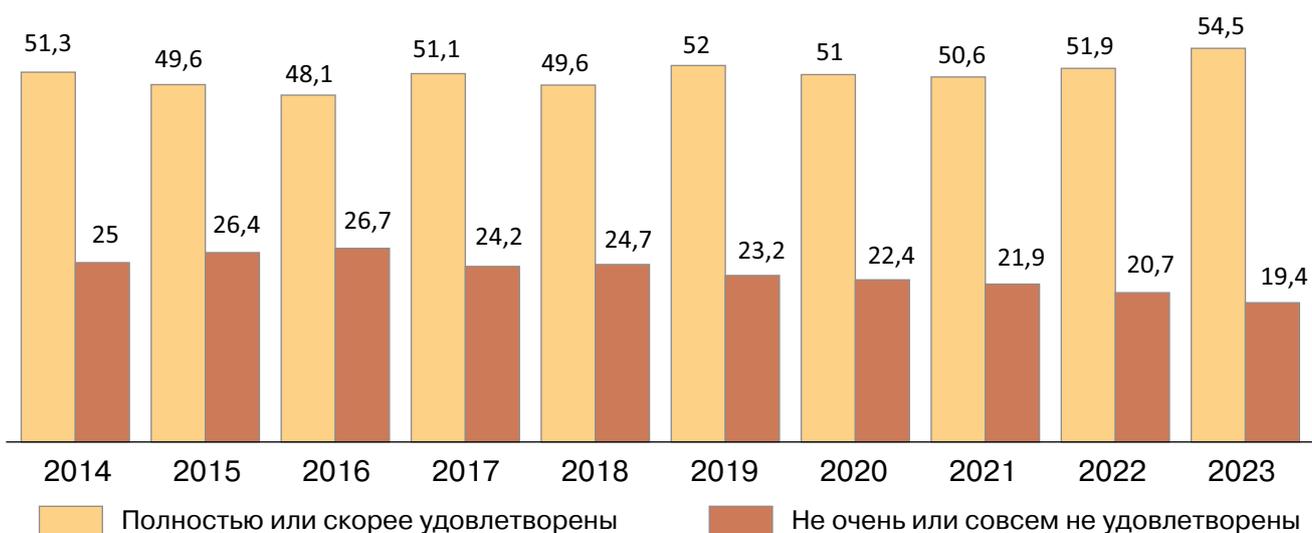

Рис. 1. Динамика удовлетворённости своей жизнью в целом, 2014–2023 гг., %

Примечание. Не указаны данные по позициям «и да, и нет», «затрудняюсь ответить».

Не стало также меньше людей, считающих себя счастливыми. В предпандемном 2019 году 48,9% респондентов относили себя к очень счастливым или довольно счастливым людям и ещё 35,1% считали, что они скорее счастливы, чем несчастливы. В 2022 году таких стало 44,8 и 39,8% соответственно, а в 2023 году – 47 и 37,4%. Следовательно, такие показатели социального самочувствия, как удовлетворённость жизнью и ощущение счастья, оказались менее чувствительны к текущим изменениям, вызванным СВО, чем чувство тревоги и беспокойства.

Из таблицы 3 видно, что среди тех, кто испытывал тревогу в связи с проведением СВО, доля респондентов, полностью или скорее удовлетворённых своей жизнью в целом, была более чем вдвое выше, чем доля не очень или совсем не удовлетворённых. Корреляционный анализ выявил значимую, но очень слабую связь между ощущением тревоги (1 – «да»; 2 – «нет») и удовлетворённостью жизнью (от 1 – «совсем не удовлетворены» до 5 – «полностью удовлетворены»). В большинстве случаев тревога, вызванная чрезвычайными событиями, стала причиной определённого беспокойства, но не переросла в перманентную разрушительную нервозность, серьёзные депрессивные состояния, приступы паники, связанные с ощущением приближающейся катастрофы.

Таблица 3

Взаимосвязь чувства тревоги, появившегося после начала СВО, и удовлетворённости жизнью в целом и материальным положением, 2022–2023 гг.

Год	Появилось чувство тревоги			Не появилось чувство тревоги			Rrb, P*
	Удовлетворены	И да, и нет	Не удовлетворены	Удовлетворены	И да, и нет	Не удовлетворены	
<i>Удовлетворённость своей жизнью в целом, %</i>							
2022	48,9	27,3	23,8	56,2	25,9	17,9	Rrb = 0,090; P < 0,001
2023	50,5	27,0	22,5	58,7	23,9	17,4	Rrb = 0,101; P < 0,001
<i>Удовлетворённость своим материальным положением, %</i>							
2022	19,9	25,0	55,1	27,6	27,5	44,9	Rrb = 0,121; P < 0,001
2023	18,6	25,9	55,5	29,4	26,9	43,7	Rrb = 0,156; P < 0,001

* Уровень значимости вычислен с использованием критерия U Манна–Уитни и T-критерия Стьюдента по каждому году.

Поскольку динамика социального самочувствия населения в немалой степени определяется направленностью и глубиной изменения условий жизнедеятельности граждан, этот рост удовлетворённости жизнью можно объяснить соответствующей реакцией респондентов на важные события, меняющие их жизнь, которая формировалась с оглядкой на изменения ситуации в стране

Рис. 2. Динамика удовлетворённости респондентов своим материальным положением, 2014–2023 гг., %

Примечание. Не указаны данные по позициям «и да, и нет», «затрудняюсь ответить».

и в мире. Для многих россиян СВО стала не только источником новых тревог и переживаний, но и стимулом, побуждающим к использованию активных адаптационных практик, инициативному и ответственному поведению.

Вместе с тем, принимая во внимание важность материального аспекта для формирования социального самочувствия, следует особо отметить, что рост социального оптимизма в немалой степени был связан с повышением удовлетворённости российских граждан материальной стороной своей жизни. Если в 2019–2021 гг. доля респондентов, в той или иной мере не удовлетворённых своим материальным положением, составляла около 55–56%, то к концу 2023 г. она сократилась до 48,4% (рис. 2). При этом дальнейший анализ показал, что доля респондентов, которые заметили ухудшение материального положения своих семей, в пандемийном 2020 году по сравнению с 2019 годом выросла с 21,3 до 28,8%, но уже в 2021 году сократилась до 24,3%, а в 2023 году – до минимальных 19,6%.

Немного улучшились и ожидания россиян относительно своего материального состояния в ближайшем будущем. Доля респондентов, которых очень или немного беспокоит отсутствие возможности обеспечивать себя самым необходимым в течение следующих 12 месяцев, увеличилась с 64,5% в 2019 году до 66% в 2020 году, но затем начала сокращаться, снизившись до 61,3% в 2023 году. При этом постоянно около половины россиян, оценивая жизненные и семейные перспективы, полагали, что в течение ближайшего года в их жизни практически ничего не изменится, и ещё каждый пятый не мог определиться с ответом на этот вопрос.

Эти перемены в настроениях поддерживались существенным ростом реальных доходов населения, главным образом за счёт повышения заработных

плат в условиях дефицита кадров и выплат участникам спецоперации, что нивелировало высокие темпы инфляции в стране, а также за счёт увеличения размера пенсий и социальных пособий в связи с необходимостью повышения поддержки отдельных групп населения, испытывающих большие трудности [21]. Результатом роста реальных доходов стало увеличение числа граждан, придерживающихся финансовой стратегии «больше тратить», и сокращение числа предпочитающих экономить. По данным Росстата, в начале 2024 г. потребительские настроения в России достигли максимально благоприятного уровня за последние десять лет. В мае 2024 г. Россия вошла в первую пятёрку рейтинга европейских стран по уровню потребительской уверенности впервые за всё время наблюдений [22]. Отмеченные изменения, наблюдавшиеся на фоне снижения уровня экономической нестабильности и неопределённости, позволили даже говорить о завершении так называемого «потерянного десятилетия» и формировании новой посткризисной реальности.

Таким образом, ухудшение некоторых показателей, характеризующих социальное самочувствие непосредственно после начала чрезвычайного события и довольно быстрый возврат в прежнее состояние или достижение более высоких результатов после включения механизмов социального приспособления, являются одними из наиболее убедительных признаков устойчивости адаптационных процессов. Если ситуация, вызванная чрезвычайным событием, сохраняется длительное время, первоначальная реакция, характеризующаяся снижением социального самочувствия, не длится столь же долго. При этом немаловажную роль играет повышение порога восприятия трудностей.

После преодоления большого количества потрясений, с которыми людям пришлось столкнуться в постсоветский период, у немалой части россиян выработался определённый «иммунитет» к накопившимся угрозам и опасностям, стало наблюдаться ослабление «чувствительности» в восприятии кризисной действительности, облегчающее переживания при столкновении с теми или иными преградами и помехами в повседневной жизни. Ослабление такой чувствительности сходно механизму так называемой «сенсорной адаптации» (sensory adaptation), представляющей собой изменение чувствительности сенсорных систем под воздействием какого-либо раздражителя. Её наиболее распространёнными проявлениями являются ослабление или полное исчезновение ощущения в процессе продолжительного действия постоянного раздражителя, ухудшение способности ощущать слабые раздражители и, следовательно, повышение нижнего абсолютного порога под влиянием действия сильного раздражителя [23, с. 22–23].

Консолидация общества и динамика обобщённого доверия. На почве обострения драматических событий и необходимости противостояния политическому и санкционному давлению западных стран произошло сплочение и единение российского общества. Необходимость противодействия таким угрозам явилась мощным фактором, способствующим подавлению тревожно-депрессивных настроений и усилению консолидации общества в качестве

ответа на новые вызовы. С одной стороны, чрезвычайные события послужили мощным импульсом для подъёма уровня гражданской идентичности, являющейся важнейшим ресурсом сплочённости и устойчивости российского общества. С другой стороны, очень чётко обозначилась консолидация общества по ключевым вопросам настоящего и будущего страны [24, с. 731].

Осознание необходимости объединения усилий граждан для достижения цели спецоперации вызвало рост гражданского самосознания, повышение социальной активности граждан, их вовлечённости в решение наиболее актуальных задач. Добровольческая помощь нуждающимся во время пандемии, а затем и участникам спецоперации, их семьям, жителям новых территорий, пострадавшим во время боевых действий, самоорганизация населения для поддержки инициатив превратились в массовое движение, объединяющее большое число неравнодушных людей. Эта деятельность включает широкий спектр различных форм взаимопомощи и самопомощи, других форм гражданского участия, осуществляемого на добровольной основе безвозмездно в свободное время.

Одним из показателей усиления консолидирующего тренда является рост обобщённого (генерализованного) доверия, которое характеризует уровень доверия по отношению к людям вообще, т. е. не к «своим» или «чужим», а к незнакомым людям, не являющимся родственниками, друзьями, знакомыми, коллегами, сослуживцами, соседями и т. п. Причём этот рост особенно чётко прослеживается после 2019 года, когда россияне столкнулись с беспрецедентными вызовами, потребовавшими единства и сплочённости общества, объединения усилий граждан для противостояния возникшим угрозам (рис. 3).

О росте обобщённого доверия позволяет судить существенное сокращение доли респондентов, полагающих, что с людьми всегда нужно быть осторожными, и увеличение доли лиц, придерживающихся наиболее рационального мнения, заключающегося в том, что доверять или не доверять другим людям

Рис. 3. Динамика уровня доверия другим людям, 2016–2023 гг., %

необходимо в зависимости от оценки качеств конкретного человека или складывающихся условий. Подобные тенденции свидетельствуют об усилении рационального начала во взаимоотношениях между людьми, которое предполагает осмысленность, определённую обоснованность поведения с опорой на знания и накопленный опыт. Здесь уместно вспомнить предупреждение П. А. Сорокина, который полагал, что не следует доверять ни слишком увлекающимся грёзами оптимистам, ни впадающим в другую крайность пессимистам [25, с. 514–515].

Результаты корреляционного анализа не дают оснований полагать, что склонность доверять другим людям более уязвима к чрезвычайным событиям, чем склонность к недоверию. Так, анализ выявил в обоих случаях значимую, но очень слабую двухстороннюю связь между оценками респондентами изменений в своей жизни после начала эпидемии коронавируса и специальной военной операции, с одной стороны, и удовлетворённостью своей жизнью – с другой стороны. В 2020 году коэффициент корреляции Спирмена, характеризующий рассматриваемую связь, составил 0,101 и 0,112 соответственно при $p < 0,01$. Эти результаты, однако, не стоит воспринимать как окончательные, поскольку они основаны на данных, относящихся к ограниченному числу показателей.

В заключение необходимо отметить, что резкий рост тревожности в обществе после появления чрезвычайного события следует воспринимать как нормальную реакцию людей на внезапно возникшую угрозу безопасности, вызывающую появление рисков для существования и развития личности, общества или государства. Возросший уровень тревожности в свою очередь выступает мобилизующим фактором, способствующим концентрации усилий граждан для преодоления возникающих опасностей. При этом усиление консолидирующих тенденций, как правило, сопровождается массовым подъёмом индивидуальных инициатив и самодеятельности, требующих развития и поддержки со стороны государства и массовых общественных объединений.

Выводы

К концу 2023 г. россияне в основном отошли от шоков 2020–2022 гг. и адаптировались к новой реальности, меняющейся под влиянием чрезвычайных событий. Только один из десяти опрошенных находился на минимально адаптивном уровне, с большим трудом привыкая к изменениям или пасуя перед трудностями, и ещё каждый десятый пребывал на умеренном уровне, характеризующемся преобладанием позитивных адаптационных результатов, достигнутых благодаря чрезмерному напряжению сил. При этом значительное большинство респондентов находилось на достаточном уровне адаптированности, не требующем приложения каких-либо дополнительных усилий. Такое состояние отчасти является результатом привыкания к новой действительности, предполагающего ослабление чувствительности в восприятии угроз, возникающих в процессе продолжительной череды чрезвычайных событий. Данные мониторинга, полученные через полгода после начала пандемии коронавируса и СВО, уже не выявили

значительных отличий в показателях социального самочувствия по сравнению с прошлогодними данными. Но в конце 2023 г. было отмечено довольно заметное повышение позитивных оценок и прогнозов, свидетельствующих об улучшении социального самочувствия россиян в условиях непрекращающейся турбулентности внешней и внутренней среды. Всё это позволяет сделать вывод о довольно высокой устойчивости адаптационных процессов в российском обществе. Значительное влияние на динамику социального самочувствия населения оказывали изменения, происходящие в стране и в мире, которые влияют на развитие ощущения опасности и чувства защищённости. Выявлен существенный рост обобщённого доверия как одного из наиболее весомых ресурсов сплочённости современного российского общества, содействующего повышению эффективности адаптации граждан к чрезвычайным событиям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коленникова Н. Д. Российское общество в период глобальной турбулентности: вызовы и возможности // Социологические исследования. 2023. № 1. С. 154–156. DOI [10.31857/S013216250022957-5](https://doi.org/10.31857/S013216250022957-5). EDN CLFAVI.
2. Латов Ю. В. Динамика массового сознания россиян: экстраординарная ситуация или начало нового цикла? // Полис. Политические исследования. 2023. Т. 32, № 6. С. 161–179. DOI [10.17976/jpps/2023.06.12](https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.12). EDN QFXDBY.
3. Социальная стигматизация в период пандемии / С. Е. Туркулец, А. В. Туркулец, Е. В. Листопадова, М. В. Сокольская // Социодинамика. 2020. № 5. С. 11–25. DOI [10.25136/2409-7144.2020.5.32945](https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.5.32945). EDN BVYBBL.
4. Попов В. В., Бычков П. И., Дорофеев Д. В. Проблемы социальной напряжённости в условиях пандемий, коронавируса и изоляции. Уроки и опыт по их преодолению // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. Т. 12, № 3. EDN SQLHYQ. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/06SCSK321.pdf> (дата обращения: 25.10.2024).
5. Тартаковская И. Н. Изменение практик в ситуации пандемии: стратегии совладания с кризисом // Мир России. Социология. Этнология. 2022. Т. 31, № 3. С. 96–114. DOI [10.17323/1811-038X-2022-31-3-96-114](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-3-96-114). EDN CTXNWQ.
6. Палкина А. В., Соболева Н. Э. Гендерные различия в тревожности и депрессии во время пандемии COVID-19 в России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4 (176). С. 54–78. DOI [10.14515/monitoring.2023.4.2364](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2364). EDN CHMZXH.
7. Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие : [монография] / А. В. Торкунов, С. В. Рязанцев, В. К. Левашов [и др.] ; под ред. А. В. Торкунова, С. В. Рязанцева, В. К. Левашова ; вступ. слово А. В. Торкунова. Москва : ООО Издательство «Аспект Пресс», 2021. 248 с. ISBN 978-5-7567-1139-4. DOI [10.19181/monogr.978-5-7567-1139-4.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-7567-1139-4.2021). EDN HWMFZB.
8. Касьянов В. В., Гафиатулина Н. Х., Самыгин С. И. Особенности и проблемы социального поведения в условиях режима самоизоляции российского населения // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9 (42), № 2. С. 51–63. DOI [10.18522/2227-8656.2020.2.3](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.2.3). EDN MDQIKT.
9. Латова Н. В. Социально-психологическое состояние российского общества и социальные настроения разных групп россиян // Журнал институциональных ис-

- следований. 2023. Т. 15, № 4. С. 62–78. DOI [10.17835/2076-6297.2023.15.4.062-078](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2023.15.4.062-078). EDN [ELHSAW](#).
10. *Каравай А. В.* Действия россиян по улучшению собственного материального положения в эпоху COVID-19 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 2 (162). С. 121–137. DOI [10.14515/monitoring.2021.2.1837](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1837). EDN [HBVFIG](#).
  11. *Щанина Е. В., Карамышева Е. Ю.* Социальная адаптация в условиях нестабильности современного российского общества // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2022. Т. 10, № 2. С. 100–107. DOI [10.21685/2307-9525-2022-10-2-11](https://doi.org/10.21685/2307-9525-2022-10-2-11). EDN [LHZTXM](#). URL: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/shchanina_ev_karamysheva_eyu_2022_2_11.pdf (дата обращения: 12.11.2024).
  12. *Логинов Д. М.* Социальное самочувствие в условиях коронакризиса: кто принял основной удар? // Народонаселение. 2023. Т. 26, № 3. С. 93–106. DOI [10.19181/population.2023.26.3.8](https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.8). EDN [NYSYJI](#).
  13. Как россияне справляются с новым кризисом: Социально-экономические практики населения / В. В. Радаев, Д. Х. Ибрагимова, А. Д. Казун [и др.] ; под. ред. В. В. Радаева. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2023. Вып. 1. 122 с. ISBN 978-5-7598-2756-6. DOI [10.17323/978-5-7598-2756-6](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2756-6). EDN [WKNRCY](#).
  14. *Громакова В. Г.* Специфика отношения к специальной военной операции РФ на Украине как проявление базовых моделей социального поведения в российском обществе // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11 (54), № 2. С. 68–77. DOI [10.18522/2227-8656.2022.2.5](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.2.5). EDN [LUKNUM](#).
  15. *Звоновский В. Б., Ходыкин А. В.* Стратегии адаптации сторонников и противников спецоперации к жизни в её условиях (на примере жителей Самарской области) // Социологический журнал. 2023. Т. 29, № 1. С. 8–35. DOI [10.19181/socjour.2023.29.1.1](https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.1). EDN [DJLKYS](#).
  16. *Беляева Л. А.* Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. № 1 (297). С. 33–42. EDN [JGVQVQ](#).
  17. *Козырева П. М.* Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков. М. : Центр общечеловеческих ценностей, 2004. 320 с. ISBN 5-88790-109-8. EDN [MEVMWP](#).
  18. *Белянин А. В., Зинченко В. П.* Доверие в экономике и общественной жизни. М. : Фонд «Либеральная миссия», 2010. 164 с. ISBN 978-5-903135-16-5.
  19. *Горшков М. К.* О социальных результатах постсоветских трансформаций // Социологические исследования. 2019. № 11. С. 3–17. DOI [10.31857/S013216250007445-2](https://doi.org/10.31857/S013216250007445-2). EDN [NLCYDR](#).
  20. *Смирнов В. А., Погодина Ю. А.* Социальное самочувствие российских девушек в условиях специальной военной операции // Вестник московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29, № 4. С. 89–101. DOI [10.24290/1029-3736-2023-29-4-89-101](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-4-89-101). EDN [RTVKJH](#).
  21. Барометр экономического поведения домохозяйств в России / Г. Г. Васильева, Е. А. Горина, В. А. Кондратенко [и др.] ; под ред. О. В. Синявской. М. : НИУ ВШЭ, 2024. № 2. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/937153753.pdf> (дата обращения: 18.10.2024).
  22. *Лола И. С., Остапкович Г. В., Усов Н. А.* Потребительские настроения населения во II квартале 2024 года. М. : НИУ ВШЭ, 2024. 9 с. URL: https://www.hse.ru/data/2024/07/04/2120973276/consumer_sentiment_2Q2024.pdf (дата обращения: 25.10.2024).

23. Большой психологический словарь / Под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко ; 4-е изд., дополн. и испр. М. ; СПб. : АСТ ; Прайм-Еврознак, 2008. 868 с. ISBN 5-93878-086-1.
20. Горшков М. К., Тюрина И. О. Консолидация российского общества в условиях современных вызовов: историко-социологический и ценностно-мировоззренческий контексты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2023. Т. 23, № 4. С. 720–739. DOI [10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739). EDN [FQZJXO](https://edn.ras.ru/FQZJXO).
25. Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин ; общ. ред., сост. и предисл. А. Ю. Согомонов ; пер. с англ. М. : Политиздат, 1992. 543 с. ISBN 5-250-01297-3. EDN [DLKMYG](https://edn.ras.ru/DLKMYG).

Сведения об авторах

П. М. Козырева

доктор социологических наук,
первый заместитель директора
SPIN-код: [7548-7264](https://spn.ras.ru/7548-7264)

А. И. Смирнов

доктор социологических наук,
главный научный сотрудник
SPIN-код: [2137-2735](https://spn.ras.ru/2137-2735)

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации.

У авторов нет конфликта интересов для декларации.

Статья поступила в редакцию 09.03.2025; одобрена после рецензирования 17.03.2025; принята к публикации 07.04.2025.

Original article

DOI: [10.19181/snsp.2025.13.2.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.2.1)

HOW EMERGENCY EVENTS CHANGE THE LIVES OF RUSSIANS: NEW CHALLENGES AND THE STABILITY OF ADAPTATION

Polina Mikhailovna Kozyreva¹

Alexander Ilyich Smirnov²

^{1,2} Institute of Sociology of FSTAS RAS,

¹ HSE University

Moscow, Russia,

¹ pkozyreva@isras.ru,

ORCID [0000-0002-3034-8521](https://orcid.org/0000-0002-3034-8521)

² smir_al@bk.ru,

ORCID [0000-0001-7078-6203](https://orcid.org/0000-0001-7078-6203)

For citation: Kozyreva P. M., Smirnov A. I. How emergency events change the lives of Russians: new challenges and the stability of adaptation. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*. 2025;13(2):9–27. (In Russ.). DOI [10.19181/snsp.2025.13.2.1](https://doi.org/10.19181/snsp.2025.13.2.1).

Abstract. Based on the data from the Russian Longitudinal Monitoring Survey (RLMS-HSE), the peculiarities of Russians' adaptation to the new social reality shaped by emergency events are analyzed. The main attention is paid to the dynamic analysis of the level and structural parameters of social well-being during the spread of the COVID-19 coronavirus and the special military operation, which helps to expand the understanding of the peculiarities of modern adaptation processes. The presence or absence of difficulties of a certain complexity that arise during adaptation is considered as the most important determinant of the achievement of a specific level of adaptation. Research shows a high level of adaptation of Russians to the new reality. This effect was achieved due to the rapid pace of development of adaptive processes, which indicates a fairly high stability of adaptation of Russian citizens to emergency events. By the end of 2023, most respondents had maintained their way of life or returned to their usual way of life, while only one in five respondents had serious obstacles in directly adapting to changes caused by emergency events, which they overcame with great difficulty. Despite the severity of the problems, a clearly visible increase in respondents' satisfaction with their lives and optimistic expectations regarding their personal and family future was recorded. However, a significant portion of Russians were subject to anxious moods caused by military and terrorist threats. This feeling of anxiety was connected, but very weakly, with satisfaction with their lives in general and their material side. An increase in generalized trust was revealed, which is the most important indicator of increased consolidation of Russian society, strengthening of civil and national identity as a response to new challenges.

Keywords: generalized trust, crisis, uncertainty, coronavirus pandemic, social adaptation, social well-being, special military operation

Acknowledgments: This article uses the results of projects carried out in the framework of Basic Research Program of the HSE University.

REFERENCES

1. Kolennikova N. D. Russian society in the period of global turbulence: key challenges and opportunities. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie issledovanija*. 2023;(1):154–156. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250022957-5](https://doi.org/10.31857/S013216250022957-5).
2. Latov Yu. V. Dynamics of mass consciousness of Russians: extraordinary situation or beginning of a new cycle? *Polis. Political studies=Polis. Politicheskiye issledovanija*. 2023;32(6):161–179. (In Russ.). DOI [10.17976/jpps/2023.06.12](https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.12).
3. Turkulets S. E., Turkulets A. V., Listopadova E. V., Sokolskaya M. V. Social stigmatization during a pandemic. *Sociodynamics=Sotsiodinamika*. 2020;(5):11–25. (In Russ.). DOI [10.25136/2409-7144.2020.5.32945](https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.5.32945).
4. Popov V. V., Bychkov P. I., Dorofeev D. V. Problems of studying social tensions in the context of pandemics, coronavirus and isolation. Lessons and experiences in overcoming them. World of science. Series: sociology, philology, cultural studies=Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya. 2021;(3). (In Russ.). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/06SCSK321.pdf> (accessed: 25.10.2024).
5. Tartakovskaya I. N. Changing practices in a pandemic situation: strategies for coping with the Crisis. *Universe of Russia=Mir Rossii*. 2022;31(3):96–114. (In Russ.). DOI [10.17323/1811-038X-2022-31-3-96-114](https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-3-96-114).

6. Palkina A. V., Soboleva N. E. Gender differences in anxiety and depression during the COVID-19 Pandemic in Russia. *Monitoring of public opinion: economic and social changes=Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*. 2023;(4):54–78. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2023.4.2364](https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2364).
7. Belova N. I., Velikaya N. M. Public opinion about the COVID-19 pandemic (using the example of Russia, Great Britain, Italy and the USA). In: A. V. Torkunova, S. V. Ryazantseva, V. K. Levashova, eds. COVID-19 pandemic: challenges, consequences, counteraction. Moscow: OOO Izdatel'stvo «Aspekt Press»; 2021. P. 59–75. (In Russ.). DOI [10.19181/monogr.978-5-7567-1139-4.2021](https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-7567-1139-4.2021).
8. Kasyanov V. V., Gafiatulina N. Kh., Samygin S. I. Features and problems of social behavior in the conditions of self-isolation regime of the Russian population. *Humanities of the South of Russia=Gumanitarniy Yuga Rossii*. 2020;9(2):51–63. (In Russ.). DOI [10.18522/2227-8656.2020.2.3](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2020.2.3).
9. Latova N. V. Socio-psychological state of Russian society and social attitudes of different groups of Russians. *Journal of institutional studies=Zhurnal institutsional'nykh issledovani*. 2023;15(4):62–78. (In Russ.). DOI [10.17835/2076-6297.2023.15.4.062-078](https://doi.org/10.17835/2076-6297.2023.15.4.062-078).
10. Karavay A. V. The behavior of Russians aimed at improving their financial situation in the Era of COVID-19. *Monitoring of public opinion: economic and social changes=Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny*. 2021;(2):121–137. (In Russ.). DOI [10.14515/monitoring.2021.2.1837](https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1837).
11. Shchanina E. V., Karamysheva E. Yu. Social adaptation in the transforming conditions of modern society. *Electronic scientific journal «Science. Society. State»=Elektronnyy nauchnyy zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo»* 2022;10(2):100–107. (In Russ.). Available at: https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/shchanina_ev_karamysheva_eyu_2022_2_11.pdf (accessed: 12.11.2024).
12. Loginov D. M. Social well-being in coronacrisis: Who took the brunt of it? *Population=Narodonaselenie*. 2023;26(3):93–106. (In Russ.). DOI [10.19181/population.2023.26.3.8](https://doi.org/10.19181/population.2023.26.3.8).
13. Radaev V. V. ed. How Russians are coping with the new crisis: socio-economic practices of the population. Moscow: Izdatel'skiy dom NIU VShE'; 2023. № 1. 122 p. (In Russ.). ISBN 978-5-7598-2756-6. DOI [10.17323/978-5-7598-2756-6](https://doi.org/10.17323/978-5-7598-2756-6).
14. Gromakova V. G. The specifics of the attitude to the special military operation of the Russian Federation in Ukraine as a manifestation of basic models of social behavior in Russian society. *Humanities of the South of Russia=Gumanitarniy Yuga Rossii*. 2022;11(2):68–77. (In Russ.). DOI [10.18522/2227-8656.2022.2.5](https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.2.5).
15. Zvonovsky B. V., Khodykin A. V. Adaptation strategies of opponents and supporters of the special military operation to the current situation (based on residents of Samara region). *Sociological Journal=Sotsiologicheskii zhurnal*. 2023;29(1):8–35. (In Russ.). DOI [10.19181/socjour.2023.29.1.1](https://doi.org/10.19181/socjour.2023.29.1.1).
16. Belyaeva L. A. Standard and quality of life. Problems of measurement and interpretation [Problemy' izmereniya i interpretacii]. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2009;(1):33–42. (In Russ.)
17. Kozyreva P. M. Processes of social adaptation and evolution of social well-being of Russians at the turn of the XX–XXI centuries [Processy' adaptacii i e'volyuciya social'nogo samochuvstviya rossiyan na rubezhe XX–XXI vekov]. Moscow: Centr obshhechelovecheskix cennostej; 2004. 320 p. (In Russ.). ISBN 5-88790-109-8.
18. Belyanin A. V., Zinchenko V. P. Trust in the economy and public life. Moscow: Fond “Liberal'naya missiya”; 2010. 164 p. (In Russ.). ISBN 978-5-903135-16-5.

19. Gorshkov M. K. Social outcomes of the post-soviet transformations. *Sociological Studies=Sotsiologicheskie issledovanija*. 2019;(11):3–17. (In Russ.). DOI [10.31857/S013216250007445-2](https://doi.org/10.31857/S013216250007445-2).
20. Smirnov V. A., Pogodina Yu. A. Social well-being of Russian girls in the conditions of a special military operation. *Bulletin of Moscow university. Series 18. Sociology and political science=Vestnik moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 2023;29(4):89–101. (In Russ.). DOI [10.24290/1029-3736-2023-29-4-89-101](https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-4-89-101).
21. Sinyavskaya O V. ed. Barometer of economic behavior of households in Russia. Moscow: NIU VShE'; 2024. № 2. (In Russ.). Available at: <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-4-89-101> (accessed: 18.10.2024).
22. Lola I. S., Ostapkovich G. V., Usov N. A. Consumer sentiment in the second quarter of 2024. Moscow: NIU VShE'. 9 p. Available at: https://www.hse.ru/data/2024/07/04/2120973276/consumer_sentiment_2Q2024.pdf (accessed: 25.10.2024).
23. Meshcheryakov B. G., Zinchenko V. P. eds. Large psychological dictionary [Bol'shoj psixologicheskij slovar]. Moscow; St. Petersburg: AST; Prajm-Evroznak; 2008. 868 p. (In Russ.). ISBN 5-93878-086-1.
24. Gorshkov M. K., Tyurina I. O. Consolidation of the Russian society under contemporary challenges: Social-historical and value contexts. *RUDN Journal of Sociology=Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*. 2023;23(4):720–739. (In Russ.). DOI [10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-4-720-739).
25. Sorokin P. A. Man. Civilization. Society. Ed. by A. Yu. Sogomonov: Transl. from English. Moscow: Politizdat; 1992. 543 p. (In Russ.). ISBN 5-250-01297-3.

Information about the Authors

P. M. Kozyreva

Doctor of Sociology,
First Deputy Director
Researcher ID: [F-2538-2014](#)
Scopus AuthorID: [6505848584](#)

A. I. Smirnov

Doctor of Sociology,
Main Researcher
ResearcherID: [ABA-6123-2021](#)
Scopus AuthorID: [55574203282](#)

The authors contributed equally to this article.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 09.03.2025; approved after reviewing 17.03.2025; accepted for publication 07.04.2025.